

A painting of a man and a woman in early 20th-century attire walking down a city street. The man is wearing a dark suit and a bowler hat, looking off to the side. The woman is wearing a light-colored trench coat and a large, ornate hat with a veil, looking towards the viewer. They are walking on a sidewalk lined with trees that have orange and yellow autumn leaves. In the background, there are buildings and other people walking. The overall style is that of a classic oil painting.

Владимир Кожедеев

**Дело имперского
Механика**

Владимир Кожедеев

Дело имперского Механика

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Дело имперского Механика / В. Кожедеев — «Автор», 2026

Петербург, 1913. Убийство в театре Мариинском вскрывает тайну, способную уничтожить династию. Часы жертвы остановлены, время империи истекает. Только один следователь видит истинный механизм преступления — и ему не дадут его остановить. Коллежский советник Оболенский знает: каждое преступление — точный механизм. Но расследуя убийство князя, он натывается на часовой механизм всей России. Чтобы найти убийцу, ему придётся понять, какая шестерёнка в государственной машине сломалась первой и почему её так стараются скрыть.

Содержание

Часть 1.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Кожедеев

Дело имперского Механика

Часть 1.

Глава 1.

Детективная история в антураже последних лет Российской Империи.

Санкт-Петербург, ноябрь 1913 года. Столица готовится к 300-летию Дома Романовых. В воздухе – это момент между триумфом и трещиной. Город живёт в странном напряжении: с одной стороны, пышные торжества, с другой – в воздухе уже витает неясное предчувствие. Власть пытается навести идеальный порядок, но из каждого закоулка выглядывает тень хаоса.

Невский проспект полон жизни – скрип экипажей по брусчатке, блеск витрин, оживлённая толпа. Это последний «великий бал» империи, и город старается это продемонстрировать.

За фасадами – сырость, ранние сумерки, туманы с Невы и пронизывающий ветер. Петербургский ноябрь – время для отчаянных романтиков и мрачных мыслей.

По улицам уже несутся автомобили и мотоциклы полиции («летучие отряды»), нарушая покой и создавая новую угрозу – «бешеную езду». В небе – диковинка аэропланы.

Газеты, вроде «Биржевых ведомостей» и других, пестрят противоречивыми новостями, которые могут мелькать на страницах романа или в разговорах героев.

Криминал и правопорядок:

Власти объявили беспощадную «чистку города» перед праздниками. Полицейские участки переполнены задержанными «хулиганами и беспаспортными».

В Петербург на «гастроли» к праздникам съехались воров-рецидивисты со всей страны, что крайне беспокоит сыскную полицию.

На улицах появилось небывалое количество фальшивых серебряных монет с дерзкой надписью на ребре: «И наша не хуже вашей».

Полиция с собаками выслеживает преступников, а в игорных притонах идут ночные облавы.

Общественная жизнь и нравы:

В арт-подвале «Бродячая собака» прогремел скандал: был публично оскорблён поэт Константин Бальмонт. Общество взволнованно требует третейского суда.

В моду входит мистицизм и спиритизм. Газеты разоблачают аферы лже-медиумов, которые обкрадывают доверчивых аристократов во время сеансов.

В высшем свете циркулирует «Красный альманах» с предсказаниями мадам де Теб на 1914 год. Для России гадалка пророчит путь «ненависти, неволи и междоусобицы», если дать волю «немецким интригам».

Международные новости:

Балканы: После недавних войн идёт сложный процесс определения границ между Сербией и Албанией.

Германия и Англия: В газетах звучат тревожные ноты о немецких интригах и о росте военных расходов в Англии.

Наука и прогресс: Мир восхищается Марией Кюри, а в России собирают пожертвования на покупку радия.

Коллежский советник Игнатий Петрович Оболенский. Не молод, но проницателен. Служит следователем по особо важным делам при градоначальнике. Карьера его застопорилась из-

за принципиальности и нежелания участвовать в придворных интригах. Имеет одну слабость – коллекционирует и досконально разбирается в сложных механизмах, особенно в карманных часах.

Вот его портрет, сотканный из прошлого, настоящего и голосов, которые его окружают.

Сын двух миров.

Отец – отставной гвардейский капитан, мелкопоместный тульский дворянин, ярый славянофил, читающий Аксаковых и уверенный, что «Петербург – это язва на теле России». Мать – из обрусевшей шведской семьи аптекарей, женщина с безупречными манерами и страстью к порядку, которая вела домашние книги до копейки. Именно от отца Игнатий унаследовал упрямую честность, граничащую с неуживчивостью. От матери – аналитический ум, любовь к системности и тихую, но твердую веру в закон, а не в «авось».

Воспоминание, диалог с отцом в поместье:

– Папá, а почему ты ушел из полка?

– Потому что, Игнаша, там стали слишком много врать. И не по-солдатски, в глаза, а тихо, в рапортах и формулярах. Честь – это когда твое слово и твоя мысль – одно. Запомни.

Университет и первое дело.

Он окончил Императорское училище правоведения, но не пошел в блестящую прокурорскую карьеру, как однокашники. Его потянуло в сыскную полицию – к живому делу. Его наставником стал коллежский асессор Максим Фаддеевич Штольц, немецкой скрупулезности старик, первый криминалист столицы.

Урок от Штольца в кабинете в сыскной полиции, запах табака и старой бумаги:

Штольц, разбирая запутанное дело о подлоге векселей, говорит молодому Оболенскому:

– Вы ищете преступника, Игнатий Петрович. Перестаньте. Ищите систему. Каждое преступление – это часовой механизм. Есть пружина (мотив). Есть колесики (соучастники, условия). Есть циферблат (то, что видят все). Ваша задача – не тыкать пальцем в стрелку, а понять, как устроен весь механизм, и какая шестеренка сломалась первой.

– Но ведь есть и просто страсть, случайность...

– Затягивается папирой Штольц. Страсть – это и есть пружина. Самая ненадежная. Она часто лопается. Ищите холодный расчет. Он прочнее. И помните: в нашем деле самое опасное – это когда механизм преступления смазывает высокопоставленная рука. Тогда шестеренки начинают вращаться вхолостую, а истина уходит в тишину, как песок.

Этот урок Оболенский запомнил навсегда, как и любовь к часовым механизмам, которую привил ему Штольц.

Окружение и повседневность (1913 год).

Он проживает на Каменноостровском проспекте, скромная, но очень опрятная квартира. Кабинет – святилище. Книги по праву и криминалистике, коллекция из двадцати семи карманных часов (от простых часов Tissot до сложных часов Leroy), каждый из которых он может разобрать и собрать с закрытыми глазами. На стене – портрет отца и фотография Штольца.

Служба: Кабинет в здании Градоначальства. Вид на Мойку. Чисто, аскетично. Его секретарь – Иван Потапыч, бывший писарь с ясным умом и врожденной способностью находить нужную бумагу за три секунды.

Иваном Потапычем (утро, до начала дела о Ярцеве):

– Игнатий Петрович, из Охранного отделения звонили. Вежливо интересовались, не занимаемся ли мы делом о краже серебра у купца Солодовникова. Крайне вежливо.

– Не отрываясь от бумаг. А мы им что ответили?

– Ответил, что занимаемся, по предписанию градоначальника. А они сказали: «О, как прекрасно. Тогда вы, верно, слишком заняты, чтобы совать нос в другие дела. Мало ли каких бродяг по Питеру шляется». И повесили трубку.

Оболенский: Поднимает взгляд. Прямо так и сказали – «совать нос»?

– Нет, Игнатий Петрович. Они сказали: «проявлять излишнюю оперативную инициативу». Но я-то понимаю, как это переводится.

– Слабый, усталый намек на улыбку. Вы – драгоценность, Иван Потапыч. В этом доме лицемерия – вы единственный, кто называет вещи своими именами. Приготовьте дело Солодовникова. Будем заниматься кражей серебра. Пока что.

Глава 2.

В театре Мариинском дают оперу «Борис Годунов». В антракте в своей ложе найден застреленным князь Владимир Ярцев, известный промышленник, меценат и доверенное лицо при нескольких великих князьях. Убийство совершено в полном свете, в окружении высшего общества, но никто ничего не видел и не слышал. Рядом с телом – карманные швейцарские часы князя (редкие, фирмы Breguet), намеренно остановленные на времени 8:45.

Дело сразу берут под свой контроль жандармы и агенты Охранного отделения. Версия – «крамола», покушение эсеров. Нашли якобы «улики» – листовку.

Оболенский, назначенный для видимости следствия, быстро понимает: убийца – свой, из высшего света. Выстрел был сделан с близкого расстояния, князь не испугался, а удивлённо узнал убийцу. Часы остановлены не в момент смерти (8:30), а позже, уже убийцей.

Расследование упирается в стену молчания. Свидетели – светские дамы, сановники, офицеры – дают одинаковые, отрепетированные показания.

Личность князя многогранна: он строил заводы, но сколотил состояние на казённых подрядах; покровительствовал искусствам, но слыл беспринципным соблазнителем; был близок ко двору, но вёл какие-то тёмные финансовые дела с немецкими промышленниками.

Оболенский, отодвинутый жандармами на второй план, ведёт своё «параллельное» следствие, опираясь на старого друга – полицейского доктора Гурова, и случайную свидетельницу – гувернантку-англичанку Мисс Этель, которая во время антракта видела, как к ложе князя направлялся невысокий человек в форме полковника Генерального штаба.

Единственный друг: Доктор Павел Сергеевич Гуров, судебно-медицинский эксперт. Такой же уставший идеалист. Их дружба – в молчаливых вечерах за шахматами и коньяком.

Гуровым (вечер после обнаружения тела Ярцева):

– Пуля – 7.62 мм, от нагана. Стреляли почти в упор, с полуметра. Пороховой ожог на жилете есть. Странно...

– Что странно?

– Он не отшатнулся. Обычно человек инстинктивно отклоняется от ствола. А он, судя по позе, даже слегка наклонился вперед. Как будто хотел рассмотреть, кто перед ним, или услышать последние слова.

– Значит, знал убийцу. Или, по крайней мере, не воспринимал его как угрозу в тот момент. Полковник Генштаба... или кто-то в такой форме.

– Наливает коньяк. Игнатий, тебя уже отстранили по существу. Жандармы рвут дело на части. Зачем лезть?

– Крутит в руках свои карманные часы. Помнишь, что говорил Штольц? «Когда высокопоставленная рука смазывает механизм». Здесь не просто смазали. Здесь пытаются заменить весь механизм бутафорией. Мне интересно, какая пружина в настоящем была такой мощной, что привела к выстрелу в Мариинке. И почему украли анкерную вилку. Это... личное послание. Механик – механику.

Гуров: Вздыхает. У тебя всегда было слишком тонкое понимание людей и слишком плохое понимание системы. Она тебя ломает.

– Система, Павел Сергеевич, как и эти часы, состоит из деталей. И если одна деталь перестанет выполнять свою функцию – сломается весь механизм. Я – та самая упрямая шестеренка.

Мисс Этель – около 35 лет. Она не красавица в общепринятом смысле, но в её лице и осанке есть притягательная ясность и порядок. Она похожа на хорошо составленное предложение на идеальном английском – ни одной лишней чёрточки.

Удлиненное, несколько аристократичное лицо. Светлые, внимательные глаза цвета морской воды, которые кажутся невероятно яркими на фоне её сдержанной внешности. Они не бегают, а изучают. Тонкие, плотно сжатые губы, которые редко улыбаются, но часто искривляются в лёгкой, умной иронии.

Фигура и осанка: Высокая, очень прямая. Она носит строгие, тёмные платья из хорошей, но не роскошной шерсти, с высоким воротником и минимальным количеством деталей. Её движения экономичны и точны.

Говорит она на образцовом русском с лёгким, музыкальным акцентом, который выдаёт в ней выпускницу хорошей школы или даже университета (что для женщины того времени редкость). Её фразы всегда закончены, а паузы значимы.

Она воплощённая порядочность, приватность и независимость. Её моральный компас точен, как швейцарские часы. Она ненавидит ложь, лицемерие и беспорядок. В России её и привлекает, и отталкивает одна и та же черта – отсутствие чётких границ между личным и общественным, законом и «договорённостью».

Мисс Этель – не классическая соблазнительница-шпионка. Она – аналитик М16 (или её прототипа, Тайной разведывательной службы), идеально вписавшаяся в свою легенду.

Легенда: Безупречна. Она и правда была гувернанткой, окончила Кембридж, знает литературу и логику. Её задача – наблюдение и оценка. Её направляют в семью, близкую ко двору, чтобы слушать, анализировать настроения, фиксировать связи.

«Проект Диамант» – её главная цель. Английский консорциум, ведущий переговоры с Ярцевым, скорее всего, связан с государственными интересами. Её задача – убедиться, что сделка не сорвётся, и оценить, кто в русском правительстве может быть за или против.

Убийство Ярцева становится для неё форс-мажором. Она должна понять: угрожает ли это проекту? Кто убийца – патриоты, конкуренты, другие иностранные агенты?

Интерес к Оболенскому становится профессиональным и личным. Профессионально – он ключ к расследованию, через него она видит внутреннюю кухню русской полиции и жандармов. Лично – он искренне честен, и она, как человек, тянется к этой честности, которой лишена её работа.

Симпатия к Оболенскому: Уважение как высшая форма чувств

Это не романтическая влюблённость, а глубокое, растущее уважение, переходящее в интеллектуальную и моральную симпатию. Видит в нём редкое явление – человека, чьи внутренние часы идут правильно.

Первая встреча (свидетельские показания): Видит не просто чиновника, а уставшего, умного человека, который слушает, а не допрашивает. Задаёт вопросы о деталях (направление взгляда, звук), которые важны для установления факта, а не для подтверждения готовой версии. Для её аналитического ума это – ключевой признак порядочности.

Она, как и он, чужак в этой системе. Он – по духу (честный среди коррумпированных), она – по происхождению. Они оба – наблюдатели, читающие шифр чужой культуры. Оболенский расшифровывает преступления, она – русскую душу для себя и своих воспитанников.

Добровольно приходит к нему, вспомнив новую деталь (например, что «полковник» нёс не саблю, а офицерскую линейку или портфель – знак штабного работника).

Задаёт ему точные, пронизательные вопросы о ходе дела, показывая, что понимает его логику.

В её присутствии он может позволить себе минуту молчаливой усталости, и она не станет это комментировать или жалеть – просто примет этот факт, что для него считать любой фальшивой участи.

В кабинете у Оболенского.

– Мисс Этель, вы снова меня выручаете. Почему?

– Поправляет прядь волос: Потому что вы, коллежский советник, задаёте вопросы, на которые можно дать осмысленный ответ. А не те, что требуют удобной для кого-то лжи. В этом городе это... роскошь.

– Оболенский: (С лёгкой улыбкой.) Английская любовь к фактам?

– Нет. Человеческая потребность в порядке. Вы пытаетесь его восстановить. Пусть даже в одном, отдельно взятом деле. Это достойно уважения.

Она не будет «спасена» им и не станет его «наградой». Её симпатия – это знак качества его собственной натуры, высшая оценка, которую может вынести такой человек. Их расставание будет грустным, светлым и абсолютно неизбежным – как окончание хорошей, но прочитанной книги.

Она не просто наблюдает. Убийство Ярцева ставит под угрозу сделку. Её задача – убедиться, что проект не похоронен, а контроль над ним переходит в «надёжные руки» (например, к тем сановникам, которых контролирует английская разведка через шантаж).

Глава 3

Ранее в середине октября 1913 года. Публичная библиотека, читальный зал редких книг и карт. Ордин изучает карты Сибири (формально – для Генштаба, на деле – выискивая районы концессии «Проекта Диамант»). Мисс Этель под видом научной работы для своего воспитанника изучает отчёты Геологического комитета по тем же регионам.

Алексей Ордин – это воплощение трагического фанатизма в мундире. Его внешность и манера держаться – отражение его внутреннего мира: безупречного, жёсткого и доведённого до абсурда.

Физическое сложение и возраст: Ему около 35 лет. Он невысокого роста (что мисс Этель и отметила), но в нём чувствуется стальная, жилистая сила. Его телосложение – не богатырское, а скорее как у фехтовальщика или скалолаза: сухое, собранное, лишённое излишеств. Все его движения экономны и точны. Он не ходит – он следует по маршруту; не жестикулирует – его жесты подобны отдаче команд.

Лицо удлинённое, с резкими, будто вырубленными из гранита чертами. Высокий, чистый лоб. Прямой, тонкий нос. Плотные сжатые губы, почти лишённые цвета, образующие одну жёсткую линию. Но главное – глаза. Светло-серые, холодные, как ноябрьский лёд на Неве. В них нет безумия, но есть непоколебимая, ледяная убеждённость. В них горит не огонь, а отражённый свет какой-то своей, внутренней, нечеловеческой луны.

Детали: Аккуратная проседь в тёмно-русых волосах на висках – не от возраста, а от колоссального внутреннего напряжения, постоянной работы мысли и воли. Он гладко выбрит, от него пахнет не табаком и коньяком, как от других офицеров, а холодным мылом и металлом.

Одежда и осанка: Его мундир полковника Генштаба сидит на нём идеально, почти неестественно. Ни одной морщинки, ни одной пылинки. Осанка – выпрямленная до боли, будто позвоночник – это шомпол. Он – живое воплощение устава. В этом и есть его трагедия: он довёл понятия «долг», «честь» и «Россия» до такой абсолютизации, что они перестали быть руководством к действию и превратились в математическую формулу, по которой можно вычислить и уничтожить «ошибку системы» – врагов империи.

Ордин, заметив, что единственный другой посетитель в этом специализированном зале – англичанка, изучающая те же сибирские материалы, заподозрил её в шпионаже. Он решил проверить её сам, подойдя под предлогом попросить справочник. Их разговор, начавшийся как вежливая проверка, быстро перешёл в обмен точной, профессиональной информацией, которая выдавала в каждом из них не дилетанта.

Ордин видел, что она понимает разницу между кимберлитовой трубкой и россыпным месторождением.

Мисс Этель видела, что этот офицер знает не только карты, но и экономические отчёты и фамилии концессионеров.

Они поняли, что охотятся за одной добычей (информацией о «Проекте Диамант»), но с разных сторон. Ордин – как патриот, видящий в сделке угрозу. Этель – как агент, оценивающий риски для британских инвесторов (или, наоборот, заинтересованный в срыве конкурирующей немецкой группы).

Они не стали доверять друг другу полностью, но заключили молчаливый пакт о взаимном информировании. Ордин мог передавать ей сведения о российских чиновниках, лоббирующих сделку (через анонимные записки в условленном месте – например, в той же библиотеке, в определённом томе энциклопедии). Этель, используя свои каналы, могла сообщать ему о передвижениях и контактах князя Ярцева с иностранцами. Для Ордина она была «глазами на Западе». Для неё он – «индикатор настроений в патриотически настроенном Генштабе», чьими руками можно было бы сорвать сделку, не марая своих.

Для мисс Этель:

Это делает её роль в первом деле активной и двойной. Она не просто наблюдала – она, возможно, спровоцировала финальный акт. Передав Ордину информацию, что Ярцев в ближайшие дни подписывает окончательные бумаги, она могла подтолкнуть его к действию. Видя Ордина в театре, она поняла, что происходит, и её «свидетельские показания» были тщательно дозированы: она дала ровно столько, чтобы направить Оболенского в нужную сторону (на «своих» в погонах), но не столько, чтобы немедленно схватить Ордина. Её цель была не правосудие, а раскрытие заговора и срыв сделки. Оболенский оказался для неё идеальным инструментом – честным и умным.

Они видят в друг друге необходимое, но отвратительное средство. Ордин презирает её как иностранную шпионку, но использует. Этель презирает его как фанатика-убийцу, но использует. Их «рабочие встречи» – это ледяные обмены информацией без лишних взглядов.

Этель – агент разведки. Цель её работы в России и цель Ордина на какой-то момент совпали? Например, оба они (Этель – по заданию Лондона, Ордин – по велению патриотизма) пытались сорвать «Проект Диамант» – продажу алмазов англичанам. Ордин мог узнать об этом и, не зная её истинной роли, увидеть в ней неожиданного союзника в борьбе с Ярцевым. Он мог передать ей (или «случайно» оставить доступной) какую-то информацию о сделке, чтобы та дошла до британских противников Ярцева. Для Ордина она была бы «полезным инструментом» в борьбе с предательством. Для Этель он был бы идеалистическим орудием, которого можно направить в нужную сторону. В этом случае её показания Оболенскому были бы не просто свидетельством, а частью сложной игры, где она, зная, что Ордин – убийца, направляла следствие так, чтобы оно раскрыло сделку (её цель), но, возможно, не успело остановить самого Ордина.

Полковник жандармерии Евгений Карлович фон Рекке, начальник отделения по охране общественного порядка. Холодный, блестящий карьерист, для которого Россия – это шахматная доска, а люди – фигуры.

Он происходил из дворянского рода с немецкими корнями и получил строгое воспитание, основанное на принципах чести, долга и христианской морали.

Блестящая карьера: Выпускник Николаевского кавалерийского училища и Академии Генерального штаба. Служил в лейб-гвардии Гусарском полку, где был лично знаком с Николаем II. Его карьера включает как строевые должности, так и много лет службы военным агентом (атташе) в Бельгии, Голландии и Италии. Это была, по сути, работа военного разведчика и дипломата.

Системный человек и прагматик: Фон Рекке воспринимает государство как сложный механизм, где интересы системы всегда выше интересов отдельного человека, а тем выше – абстрактной "правды". Он готов на компромиссы и темные дела ради "высшего блага" Империи.

"Жандарм империи": Его главная задача – сохранение существующего порядка любой ценой. Расследование убийства Ярцева для него – не поиск истины, а управляемый кризис, который нужно замять с минимальными политическими издержками.

Холодный интеллект и манипулятор: Опыт дипломата и разведчика делает его мастером интриги. Он предпочитает не приказывать грубо, а создавать обстоятельства, которые вынуждают других (как Оболенского) действовать в его интересах.

Идеалист наизнанку: В этом его главное противоречие с Оболенским и Ординым. Все они патриоты, но если Ордин верит в честь, а Оболенский – в закон, то фон Рекке верит лишь в силу и стабильность. Он искренне считает, что его методы, какими бы грязными они ни были, спасают Россию от хаоса.

Конфликт с Оболенским:

Их противостояние – это столкновение двух правд и двух типов службы. Фон Рекке презирует "мелочность" Оболенского, его попытки докопаться до истины в отдельном деле, не видя общей картины. Для него Оболенский – идеалист и наивный максималист, чья принципиальность угрожает хрупкому равновесию в государстве накануне больших потрясений.

Внешность: "голубые глаза", "приятной наружности", с "роскошными длинными усами", которые были в моде у гусар.

Манера речи: Всегда корректен, вежлив, даже холодно-ироничный. Его угрозы звучат как предостережения, а приказы – как дружеские советы.

Среда: Его кабинет должен отражать его суть: портрет Государя, карты, дорогие, но строгие вещи, символы власти, но никаких личных безделушек. Порядок и функциональность.

Прошлое с Ординым: фон Рекке и Ордин были знакомы по службе. Он мог высоко ценить ум и принципиальность Ордина, но считать его опасным идеалистом. Его задача – не просто наказать убийцу, а похоронить саму идею, которая движет Ординым.

Фон Рекке, оставшись верным системе до конца, в будущем (уже после событий) может быть предан этой же системой, арестован новой властью и расстрелян, как и его прототип. Это станет горькой иронией и итогом его жизненной философии.

Такой образ превращает фон Рекке из простого антагониста в символическую фигуру – олицетворение государственной машины, бездушной, эффективной и безжалостной, которая в конечном итоге перемалывает и правых, и виноватых.

Для полковника фон Рекке сокрытие «Проекта Диамант» – это не паника, а холодная, системная операция по «управлению правдой». Вот как он это делает, шаг за шагом.

Методы и этапы работы фон Рекке

Этап 1: Изоляция правды

Метод: Контроль над делом. Фон Рекке сразу берет формальное руководство, расследованием убийства Ярцева, маркируя его как «дело государственной важности с признаками крамолы».

Связь с сюжетом: Это позволяет ему отстранить Оболенского от сути, загрузив его делом Солодовникова.

Цель: Создать официальную, но ложную установку («убили революционеры»), в которой будет удобно встроить все будущие улики.

Этап 2: Подмена и дискредитация

Метод: Создание «козла отпущения».

Финансовые документы по проекту объявляются частью мошеннической схемы самого Ярцева по выманиванию денег у иностранцев.

Геологический отчет Гранина дискредитируется: объявляется фальшивкой или плодом фантазии неудачливого ученого.

Полковник Ордин после ареста и «самоубийства» подается как фанатик, действовавший на основе этих фальшивок и своих бредовых идей.

Прямой путь, по которому пошло расследование Оболенского, объявляется тупиковым, основанным на подделках.

Цель: Разрушить причинно-следственные связи. Убийство есть, но его настоящий мотив (измена) подменяется удобным (фанатизм на основе ложной информации).

Этап 3: Ликвидация следов и свидетелей.

Метод: «Административное растворение».

Фирма-посредник «Северное сияние» срочно ликвидируется по фиктивному иску о банкротстве.

Дела и отчеты из Министерства торговли и промышленности «теряются» при переезде в новый архивный корпус.

Инженер Гранин находится и ему под страхом ссылки в Сибирь (как практиковалось с декабристами) предписывается «добровольный» отъезд на длительную экспедицию на Дальний Восток.

Каждый источник информации, найденный Оболенским, исчезает или замолкает.

Цель: Сделать расследование технически невозможным. Нет документов – нет дела.

Этап 4: Создание «полезного» результата

Метод: Парадная версия для отчета.

Фон Рекке представляет начальству блестящий результат: раскрыта «опасная афера» Ярцева, обманывавшего доверие иностранцев; обезврежен офицер-одиночка, покусившийся на основы государства. Система сработала четко.

Настоящие же иностранные партнеры проекта получают через дипломатические каналы негласные гарантии: «проект заморожен из-за внутренней провокации, но будет рассмотрен в более стабильное время».

Это та самая «победа системы», которую наблюдает в эпилоге Оболенский.

Цель: Все стороны (кроме Ордина и Оболенского) остаются при своих: начальство довольно, иностранцы сохраняют интерес, чиновники-заказчики в безопасности. Правда принесена в жертву стабильности.

Решающий диалог с фон Рекке (после того, как Оболенский докопался до Ордина):

Фон Рекке: Сидит в кабинете Оболенского, небрежно поправляя перчатку. Вы показали выдающуюся проницательность, коллежский советник. Поистине, жаль, что такие таланты расстрачиваются на... часовые механизмы.

Оболенский: Полковник Ордин сознался. Дело раскрыто. Приказывайте оформлять документы для прокурора.

– Тонко улыбается. Какие документы? Никакого полковника Ордина в этом кабинете не было. Вы беседовали с источником, предоставленным Охранным отделением. Которое, к сожалению, дало вам фантастическую и ложную информацию. Убийца – эсер, уже задержанный на вокзале. Он и сознался.

– Стиснув челюсти. Вы позволите убийце уйти? А потом и сами убьете его, оформив как самоубийство?

– Встает. Вы больны, Игнатий Петрович. Утомление от службы. Вам нужен отпуск. На несколько месяцев. В ваше милое тульское имение. А здесь будет порядок. Тот порядок, который нужен Империи накануне великого торжества. Вы ведь патриот?

На следующий день после убийства Ярцева к Оболенскому является полковник фон Рекке.

– Игнатий Петрович, в свете вчерашней трагедии все силы, разумеется, брошены на поимку революционеров. Но и текущая работа страдать не должна. Вот вам дельце – кража серебра у купца Солодовникова. Потерял старичок свои сокровища. Оформите всё по закону, чтобы не бросало тень на нашу полицию. Это – ваш приоритет. Понятно?

Что это даёт: Фон Рекке прямо показывает, кто главный, и ограничивает поле действий Оболенского «мелкими сошками».

Длинная пауза. Оболенский понимает, что его поставили перед выбором: бунт – и крах всего, молчание – и соучастие.

– Я служу Закону, господин полковник.

– Уже в дверях. Закон – это воля Государя. А сейчас воля Государя – чтобы был праздник. Счастливо оставаться.

Оболенского – человек принципа в мире компромисса, механик в мире хаоса. Он сформировался на стыке дворянской чести отца, системности матери и профессионального кодекса наставника. Его трагедия в том, что он безупречно понимает механизмы отдельных преступлений, но бессилён перед всеобъемлющим механизмом лжи и цинизма, который приводит в движение всю государственную машину на её излете. Его диалоги почти всегда лаконичны, наполнены внутренним напряжением и скрытой иронией, направленной на себя и на систему. Он не борец-одиночка в романтическом смысле, а скорее уставший хранитель угасающей свечи разума в наступающих сумерках империи.

Глава 4.

Вот доктор Павел Сергеевич Гурова – друг, исповедника и антипод Оболенского.

Тот, кто вскрывает тела и души.

Разночинец с дипломом.

Он не из дворян. Сын уездного лекаря из Вологды, добившийся всего умом, трудолюбием и стипендией. Окончил Императорскую Медико-хирургическую академию блестяще. Выбрал не престижную терапию для богатых пациентов, а судебную медицину. Почему? Как он сам говорил:

С однокашником (молодость, выпускной вечер):

– Пашка, да ты рехнулся! Сидеть в подвале у трупов? С твоими-то талантами? Иди в приватную практику, будешь карету с ливреей за год иметь!

– Гуров: Спокойно поправляет очки. Ты знаешь, в чем разница между живым пациентом и мертвым?

– Ну, живой болтает и жалуется, а мертвый – молчит.

– Именно. Мертвый не врет. Он не симулирует, не преувеличивает, не скрывает симптомы из страха или стыда. Он просто предъявляет факт. Разрез, пулю, яд. Факт – самая редкая и честная вещь на свете, Ванечка. А я намерен иметь дело с фактами.

Цинизм как защитный механизм.

Гуров начинал с искренней веры в то, что его наука служит Фемиде. Но он слишком много видел. Дела, где его заключения «терялись», где явное убийство превращалось в «несчастный случай» по воле начальства, где улики, им найденные, игнорировались. Он сфор-

мировался как блестящий циник. Его цинизм – не злорадство, а горькая защитная оболочка, спасающая от профессионального выгорания и отчаяния.

Его кредо (объясняет молодому практиканту в морге, 1905 год):

– Доктор, как вы можете так... отстраненно? Это же человек.

– Моет руки после вскрытия. Нет. Это – тело. Человек уже ушел. Наша задача – услышать, что это тело успело сказать нам на своем тихом, последнем языке. Гематомы, переломы, химический состав тканей. Это – правда. А все остальное – интерпретации, политика, ложь. Чем быстрее ты это поймешь, тем дольше сохранишь рассудок на этой службе. Сострадание оставь для живых. Здесь нужна холодная ясность.

Дружба с Оболенским: Союз разочарованных идеалистов.

Они сошлись лет десять назад на сложном деле об отравлении. Оболенский оценил его педантичную точность. Гуров – его упрямое стремление дойти до сути, даже когда это стало опасно. Их дружба – это дружба двух людей, которые видят одно и то же, но реагируют по-разному.

Их ритуал: Вечерний чай (а позднее – коньяк) в кабинете Гурова после особенно тяжелых дел. Тихий разговор, шахматы как медитация.

Ключевые диалоги, раскрывающие Гурова

О системе (после того, как их общее дело о смерти фабриканта было закрыто под давлением)

Оболенский: Неужели тебя это не бесит, Павел Сергеевич? Мы нашли иридия в остатках кофе! Это редчайший яд, заказное убийство!

Гуров: Расставляет шахматы. Бесит. Но не удивляет. Представь организм, Игнатий Петрович. Опухоль. Она посылает лжесигналы, создает ложные ткани, перехватывает питание. Здоровые клетки либо гибнут, либо сами становятся частью опухоли. Наша система – такой организм. Мы с тобой – здоровые, но одинокие клетки где-то в пальце. Мы можем кричать о болезни, но организм уже считает нормой тошноту и температуру.

– И что, опусти руки?

– Нет. Просто перестань удивляться, когда тебя игнорируют. Работай в своей области. Констатируй факты. Это все, что мы можем. Играешь белыми.

О прошлом (редкий момент откровенности)

– У тебя ведь была семья?

– Долгая пауза. Он редко говорит об этом. Была. Жена. Анна. Умерла в родах. Ребенок тоже. Десять лет назад.

– Прости, я не знал...

– Я был в отъезде, на каком-то съезде судебных медиков в Новгороде. Променил их на доклад о новых методах выявления мышьяка. Ирония, да? Спас бы ее любой фельдшер, будь он рядом. А я, блестящий специалист, был бесполезен. После этого... мертвые стали спокойнее. Они не ждут, что их спасешь. От них требуется лишь правда. Я не могу подвести мертвых, Игнатий. Они последние, кому я еще могу быть полезен.

Прямо во время дела о Ярцеве (после визита фон Рекке)

– Я тебе говорил. Это не твое дело. Это «их» дело. Ты наступил на больную мозоль системе.

– А твоя судебная экспертиза? Она ведь подтверждает мою версию!

– Моя экспертиза – это клочок бумаги. Ее можно пришить к делу, а можно вырвать и сжечь. Ты думаешь, мне не предлагали «скорректировать» заключение? Предлагали. Вежливо. Намеком. «Доктор, не мог ли князь, падая, удариться виском о бювет?» Я сказал, что не мог. Но если бы я сказал «мог», сегодня у нас с тобой был бы совсем другой разговор. И я, возможно, выбирал бы новую мебель для кабинета.

Оболенский: И как ты с этим живешь?

Гуров: Глубокий глоток коньяка. Я живу с мертвыми, Игнатий. Они меня не осудят. А с системой... я заключил перемирие. Я даю ей точные факты. Она позволяет мне эти факты добывать. Но когда факты становятся слишком неудобными, она их игнорирует. И я не лезу с криком. Я просто... фиксирую это в личном журнале. Для истории, которой, возможно, никогда не будет.

Суть Гурова.

Он – трагический скептик. Если Оболенский верит, что, будучи правильной «шестеренкой», можно починить механизм, то Гуров уверен, что механизм сломан в принципе, и единственное достоинство – не дать ему размазать себя в труху.

Его юмор – сух, черен и точен. Его преданность Оболенскому – абсолютна, но выражается не в поддержке его идеализма, а в попытках уберечь друга от неминуемых ударов, в готовности быть его единственной отдушиной и молчаливым соучастником «параллельного» следствия.

Гуров – реалист, оплативший свой реализм личной трагедией. Он служит правде, но не верит, что правда может победить. И в этой дистанции между служением и верой живет его глубокая, неразрешимая печаль, которую он прячет под маской усталого цинизма и за шахматной доской в обществе такого же одинокого, но не сломленного друга.

Глава 5.

Внутренний монолог и детективная логика Игнатия Петровича Оболенского, разобранный по шагам, как часовой механизм.

Первичный осмотр ложи в театре Мариинском. Ночь убийства.

(Внутренний монолог, пока жандармы оцепляют зал):

«Спектакль. Антракт. Свет. Толпа. Идеальное место для убийства, если ты хочешь, чтобы тебя не увидели. Но идеальное место, если ты хочешь показать – это не страх, а послание. Убийца не прятался. Он вышел на сцену жизни при полном освещении... и сделал свой жест. Почему?»

Князь полулежит в кресле, не сторбившись от боли, а почти расслабленно. Голова чуть склонена, взгляд был направлен в сторону входа в ложу, а не вглубь.

Встречал кого-то. Вошедшего.

Один. С близкого расстояния (пороховой ожог). Наган или револьвер системы «Смит-Вессон». Офицерское оружие.

Вероятно, стрелял военный или человек, имеющий доступ к табельному оружию. Хладнокровие. Уверенность в одном выстреле.

Отсутствие крика, паники свидетелей: Значит, выстрел был заглушен. Зал был полон шума. Возможно, выстрел приняли за хлопок от шампанского или упавший стул.

Убийца рассчитал момент. Он знал акустику зала.

Карманные часы, Breguet. Лежат на полу. Стрелки остановлены на 8:45. Время убийства, по словам первого нашедшего капельдинера, около 8:30.

Главный вопрос: Зачем останавливать и класть так, чтобы их нашли? Не забирать ценный трофей, а оставить, но с изменением? Это – подпись. Это – цель.

Рабочая гипотеза (сформирована к утру следующего дня в кабинете)

«Исключаем эсеров. Бомбист или фанатик стрелял бы в спину на улице, кричал лозунги, не заботился о тишине. Здесь – тишина, точность, демонстративность. Значит, убийца – из этого круга. Он не хотел прятаться от них. Он хотел донести мысль до них. А может, и до одного конкретного «них». Часы – ключ. Их остановили позже. Зачем?»

Изучить часы лично (под предлогом «описания вещдоков»). Обнаруживает отсутствие анкерной вилки.

Скачок в рассуждении: Это не случайность. Деталь забрали. Значит, убийца разбирается в механизмах. Или хочет, чтобы подумали, что разбирается. Механик? Инженер? Военный, привыкший к точным приборам?

Заказать справку через Ивана Потапыча: Кто из знакомых князя увлекается механикой, часовым делом? Кто служил в артиллерии, инженерных войсках, флоте (где важна точность)?

Вызвать мисс Этель (гувернантку) под видом «уточнения показаний о перемещении ее воспитанника».

Ее слова: «Видела полковника. Невысокого. С аккуратной проседью в висках. Шел быстро, целенаправленно. Не оглядывался».

Вывод Оболенского: Уверенность в движении. Цель. Не сомнение, не оглядка по сторонам. Человек, идущий на исполнение долга.

Построение психологического портрета убийцы (рассуждения во время беседы с Гуровым)

Оболенский излагает мысленно:

«Мотив не банальная страсть. Ревнивый муж стрелял бы в аффекте, мог промахнуться. Здесь – холемая, расчётливая злоба. Или... не злоба вовсе. Убеждение. Миссия. Убийца – фанатик идеи. Какой? Патриотической? Религиозной? Монархической? Князь Ярцев плел финансовые сети с иностранцами. Это могло быть воспринято как предательство. Убийца – «очиститель». Он не мстит лично себе, он мстит за Россию. Отсюда и театральность. Он совершил казнь на виду у всей России (в её элите). Часы остановил – «время предательства кончилось». Анкерную вилку забрал – «я – та деталь, что остановила гибельный ход». Он оставил нам свой манифест в действиях. Он хочет, чтобы его поняли. Но не поймали. Или... он готов к аресту, но верит, что его оправдают как патриота».

Оболенский, будучи механиком, видит сходство в устройствах двух преступлений, что продвигает расследование убийства Ярцева.

Формально вести «официальное» следствие: опросить прислугу Ярцева о возможных личных врагах, долгах, связях. Это то, чего ждут жандармы – чтобы он копался в мелочах.

Искать «механика».

Через старые связи в полиции и среди часовщиков (его хобби дало обширную сеть знакомств) узнать, не обращался ли кто в последнее время с подобными часами Breguet за починкой или заказом детали. «Часовщики – цеховая семья. Они помнят редкие механизмы».

Изучить окружение Ярцева через призму «идеи».

Не «кто ему завидовал», а «кто мог считать его действия вредными для империи». Через скучного, но надежного архивариуса в Министерстве финансов (должен же ему старый должок) выяснить, против каких именно сделок Ярцева выступали в Государственном Совете или в патриотических кругах при дворе.

Проверить «полковника».

Это самый опасный путь. Он просит Гурова, у которого есть связи среди военных врачей, осторожно поинтересоваться: нет ли среди героев русско-японской войны, особенно из артиллеристов или саперов, полковника, известного своими «ультра-патриотичными» взглядами, возможно, подававшего рапорты о «вредительстве» в поставках? «Раненые доверяют врачам. Они могли что-то сказать на операционном столе под эфиром».

Рассуждение с самим собой (в кабинете ночью)

Оболенский один. Перед ним лежат фотографии места преступления и его блокнот со схемами.

Он в кабинете изучает опись вещей по делу Солодовникова. Его внимание цепляет «картонка с мелкой серебряной монетой». Потом он смотрит на фотографию остановленных часов Ярцева.

«Странно... Солодовников спрятал миллионы, оставив на виду мелкую монету. А убийца Ярцева оставил на виду дорогие часы, забрав крошечную деталь. В обоих случаях преступник меняет местами целое и часть. Главное – прячет, а на виду оставляет знак, намёк, улику. Значит, и в деле Ярцева украденная деталь – не просто трофей. Это ключ. Как монета у Солодовникова была знаком того, откуда украдено главное, так и анкерная вилка – знак того, почему совершено убийство».

Что это даёт: Рутинное дело становится интеллектуальным катализатором. Оно подталкивает Оболенского к мысли, что убийство Ярцева – не акт хаоса, а зашифрованное послание.

Расследование кражи неожиданно приводит к знакомству, которое полезно для основного дела.

Оболенский, опрашивая ювелира Линдгольма (у которого Сусленников сбывал брильянты), замечает в мастерской сложный механизм заводного павлина.

– Удивительная работа. Кто собирал механизм?

– Ах, это делал один талантливый мастер, Артём. Сейчас он, кажется, на часовом заводе Ланге работает... Знаток своего дела, но с причудами. Говорит, что каждая шестерёнка имеет душу.

Оболенский получает контакт для экспертизы часов Ярцева «в обход» официальных каналов. Этот мастер Артём позже может подтвердить, что анкерную вилку изъяли специально, и даже описать, какой инструмент для этого использовали (что сузит круг подозреваемых до инженеров или оружейников).

Мысленный диалог:

Вопрос (его вторая, скептическая, натура): А если ты все усложняешь? Обычная криминальная история. Убийство из-за денег или женщины.

Ответ (его детективная, уверенная натура): Нет. Тогда были бы следы борьбы в ложе, попытка скрыться, тело попытались бы спрятать или инсценировать самоубийство. Здесь – символизм. Убийца рисковал быть узнанным в лицо сотней людей. Он пошел на этот риск, потому что для него важнее был акт, а не просто смерть Ярцева. Он хотел, чтобы смерть прочли. Как книгу. И первую главу этой книги – остановленные часы – он оставил на виду.

– И что же там написано?

– «Я – судья. Я – палач. Я – последний арбитр чести в мире, где её больше нет. И я знаю, что делаю. Мой поступок точен, как механизм». Это убийство... педантичное. Почти бюрократическое. Это не преступление страсти. Это – казнь.

Ключом становятся часы. Оболенский обнаруживает, что в них не хватает одной крошечной детали – анкерной вилки. Без неё механизм не может работать. Значит, убийца не просто остановил время, а забрал деталь как трофей или символ.

Глава 6

Плетение интриги: Постепенно выясняется, что Ярцев был «связным» в большой игре. Он знал слишком много:

О тайных кредитах русской казны под залог семейных драгоценностей (некоторые уже были заложены в берлинских банках).

К концу XIX века финансы Российской Империи находились в сложном положении: масштабные проекты (железные дороги, промышленность), войны и социальные программы исто-

щали казну. При этом самодержавие стремилось сохранять лицо финансово устойчивой великой державы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.